

УДК 821.161.1.09+929[Мандельштам+Оксман]

Ю. Г. ОКСМАН И О. Э. МАНДЕЛЬШТАМ: СУДЬБА ПОКОЛЕНИЯ

Б. А. Минц

Минц Белла Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, bella-mints7@yandex.ru

В статье показаны пересечения в судьбах Ю. Г. Оксмана и О. Э. Мандельштама, а также роль Оксмана в подготовке американского собрания сочинений поэта. Тема раскрывается в контексте истории национальной культуры XX столетия. Широко используются эпистолярные, мемуарные, биографические источники. Особо отмечена роль Оксмана в процессе воссоединения разных ветвей русской литературы.

Ключевые слова: Оксман, Мандельштам, Пушкинский семинарий, ссылка, Саратовский университет, воссоединение.

Yu. G. Oksman and O. E. Mandelstam: the Fate of the Generation

B. A. Mints

Bella A. Mints, ORCID 0000-0002-8557-4227, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, bella-mints7@yandex.ru

The article shows how the fates of Yu. G. Oksman and O. E. Mandelstam intercross, it also dwells on Oksman's part in preparing the American version of the poet's collected works. This topic is revealed in the context of the XXth century history of national culture. Epistolary, memoir and biography sources are used widely. Oksman's part in the process of reuniting different Russian literature branches is specially highlighted.

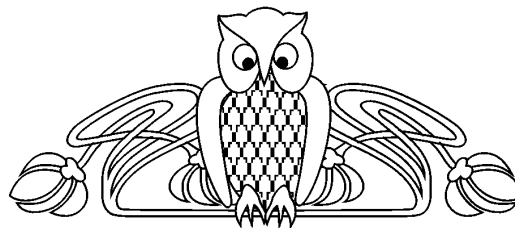
Key words: Oksman, Mandelstam, Pushkin seminar, exile, Saratov University, reunion.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-69-75

Наливаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
– Я рождён в девяносто четвёртом,
Я рождён в девяносто втором...

Мандельштам О.
Стихи о неизвестном солдате (1937).

Если воспринимать понятие Саратовской филологической школы лирически, то можно сказать, что помимо реальных научных достижений есть ещё некие «воздушные пути», скрещения судеб, переключки, отражения, передача из поколения в поколение представлений о чести и благородстве в науке. Это выплёскивается далеко за границы нашей малой родины и в то же время неразрывно связано с ней как с местом прикосно-

вения выпускников СГУ разных лет к тому, что и называется Саратовской школой.

В плеяде замечательных учёных, которые задали высочайшую планку филологического образования и филологической научной школы в Саратовском университете, каждый занимает своё уникальное место. Неповторимые формы приобретает их участие в трансляции и сохранении человеческих и творческих достижений, в сосредоточении разных линий в единые узлы культурной традиции. Юлиан Григорьевич Оксман удивительным образом соединил в своей научной и преподавательской деятельности, в своей непростой судьбе бесстрашие и благородство героев своего любимого XIX и трагический опыт XX столетия. Об этом писали многие биографы, в частности, очень точно связал научные интересы и гражданскую позицию Ю. Г. Оксмана другой замечательный учёный, сыгравший важную роль в историческом измерении саратовской университетской филологии, В. В. Пугачёв: «Он никогда не поддавался искушению политизировать науку, но сам круг его интересов делал его изыскания не только глубокими, но и политически острыми <...> разногласия учёного с деспотической властью были не «погодными», а «климатическими». Он хотел подлинной свободы»¹. Читая самиздатского Мандельштама, мы, студенты 1970-х, и не подозревали, что существует некая особая связь между этим событием и штудированием книги Ю. Г. Оксмана «От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева», спецкурсом по истории пушкинского времени В. В. Пугачёва. Теперь не покидает мысль о том, что в этом узле был заключён опыт духовной свободы, переданный нам, ещё мало понимавшим суть происходящего.

Мандельштам и Оксман представляют одно поколение. В пересечениях их судеб прочитывается нечто большее, чем просто пребывание в одной эпохе. Скрещивающиеся и расходящиеся пути современников – одно из наглядных проявлений мандельштамовской концепции истории как «синхронистического акта». «Время для Данта, – писал Мандельштам о своём любимом поэте, – есть содержание истории, понимаемой как единый синхронистический акт, и обратно: содержание есть совместное держание времени – сотоварищами, соискателями, сооткрывателями его»².

В воображаемой шеренге, которой завершаются «Стихи о неизвестном солдате», среди

множества тех, кто разделил с Мандельштамом общую судьбу поколения, кто вместе с ним держал на плечах непосильную ношу времени, стоит и Юлиан Григорьевич Оксман. Он «рождён в девяносто четвёртом», т. е. 30 декабря 1894 года по старому стилю (12.01.1895). Пути поэта и учёного пересеклись в Санкт-Петербургском императорском университете. Объединяет их и Гейдельбергский университет: Мандельштам провёл в Гейдельберге семестр с осени 1909 по февраль 1910 г., Оксман позднее – зимний семестр 1912/1913 г. Одними дорогами везли их в лагерный ад, лишь в самом лагере они разминулись. Ю. Оксман был среди тех, кто передал восточку о судьбе Мандельштама. Первое собрание сочинений Мандельштама появилось в Америке во многом благодаря Ю. Г. Оксману. С его помощью увидели также свет другие тексты потаённой русской литературы XX столетия, а именно произведения Ахматовой и Гумилёва. Это не только свидетельство его внутренней свободы и понимания единства русской культуры. Известный как выдающийся исследователь русского XIX в., Оксман предстаёт и в другой своей ипостаси, а именно как человек, который через всю жизнь пронёс благодарную память о своём поколении, «окровавленной юности вест» (А. Ахматова). Эта память повивает лучших из поколения в содружество живых и загубленных. Трудно переоценить вклад Оксмана в процесс воссоединения насильственно разлучённых ветвей нашей культуры.

Если с Мандельштамом Оксману не случилось тесно общаться, то Анна Ахматова входит в близкий круг его общения³. Встречался он и с Н. Я. Мандельштам. Оксман писал Г. П. Струве в ноябре 1962 г.: «Основной мой архив погиб – частью при обысках и арестах в 1930 и 1938 годах, частью в 1942»⁴. Остальное странствует с ним из Ленинграда в Саратов, из Саратова – в Подмосковьё. «Ю. Г. Оксман делился с широкой читательской аудиторией Саратова и студентами университета сокровищами своего рукописного собрания, – вспоминает В. К. Архангельская. – <...> Однажды при моём посещении Оксманов в Москве Ю. Г. молча подал мне “Письмо Солженицына съезду писателей”, указав при этом на кресло (он был уверен, что его квартира прослушивается), показал зарубежное издание Мандельштама»⁵. Кто знает, может быть, уже в Саратове среди бумаг ссыльного профессора прятались листочки со списками или автографами Мандельштама? Однако основные «мандельштамовские» материалы стали накапливаться в период общения с А. Ахматовой и встреч с вдовой поэта уже после ссылки.

Итак, Санкт-Петербургский университет. По архивным сведениям, Мандельштам был слушателем романо-германского отделения историко-филологического факультета с сентября 1911 по май 1917 г.⁶, Оксман же поступил на

славяно-русское отделение 11 сентября 1913 г.⁷, а закончил его в апреле 1917-го⁸. Получив в 1962 г. от американского историка Мартина Малиа, находящегося на стажировке в Советском Союзе, том Мандельштама, Ю. Г. Оксман воспринял это как «голос с того света». Сразу вспомнилась общая университетская молодость: «Я хорошо помню О. Э. по университету, – писал Ю. Г. Оксман Г. П. Струве, – но встречал его очень редко, – на некоторых экзаменах, на вечерах поэтов, в знаменитом университетском коридоре. Я даже не знаю, на каком он был отдел. (видимо, на романо-германском). Он был на третьем курсе, когда я поступил в универ-т (т. е., в 1913), но многие экзамены мы сдавали вместе (философские предметы, история греческой литературы)»⁹. В письме к К. Чуковскому от 1–3 июля 1961 г. Ю. Г. Оксман вспоминал о «студенческих вечерах поэтов, где из наших старших товарищей читали свои стихи Гумилёв, Осип Мандельштам, М. Лозинский, В. Гиппиус, а из сокурсников Георгий Маслов, Всеволод Рождественский, Лариса Рейснер (бестужевка, часто у нас бывавшая), В. Тривус, Д. П. Якубович, Д. Выгодский»¹⁰. К списку тех, кто учился на факультете примерно в то же время, можно добавить Ю. Н. Тынянова, В. Вейдле, В. М. Жирмунского, К. В. Мочульского, Л. В. Пумпянского, В. К. Шилейко и др. Среди преподавателей были Бодуэн де Куртене, Н. Лосский, Л. Карсавин, Ф. Зелинский и др.

Ю. Г. Оксман дружил с Г. Масловым и Ю. Тыняновым. Георгий Владимирович Маслов (1895–1920) – поэт, активный участник венгерского семинара, умер от тифа в 1920-м при отступлении белых, служа рядовым в армии Колчака. Жена Г. В. Маслова, Елена Михайловна Тагер (1895–1964), – поэтесса, прозаик, автор воспоминаний о Мандельштаме¹¹. Была арестована в рамках питерского писательского дела 19 марта 1938 г., т. е. на следующий день после Н. Заболоцкого¹², на Колыме встретилась с Ю. Г. Оксманом¹³, затем в 1950-х гг. жила в Саратове, где пути их также пересеклись¹⁴.

Согласно сохранившимся документам, Ю. Г. Оксман и О. Мандельштам вместе сдавали два экзамена – профессору И. Лапшину по введению в философию и профессору Ф. Ф. Зелинскому по истории римской литературы, причём «оба получили высшую оценку – “весьма удовлетворительно”»¹⁵. Однако в письме к Г. П. Струве Оксман вспоминает один из анекдотических эпизодов, в изобилии разбросанных в мемуарной литературе о Мандельштаме и создающих некий биографический миф о нём. У некоторых из этих рассказов есть документальные подтверждения¹⁶: «Помню, как он жалко провалился на экзамене у проф. Г. Ф. Церетели в 1916 г. – от волнения у него дрожали руки, он заикался, чуть не плакал. Он не мог назвать ни одной комедии Менандра, хотя знал, что Церетели – автор

монографии об этих комедиях. Заглянув в его зачётную книжку, я убедился, что О. Э. не «сдал» самых основных обязательных курсов... А после весны 1916 О. Э. уже и вовсе не бывал в университете»¹⁷.

Оксман в университете посещал Пушкинский семинарий Семёна Афанасьевича Венгерова, который, между прочим, был родственником Мандельштама по материнской линии. Степень этого родства не очень ясна¹⁸. Мандельштам в «Шуме времени» писал о С. Венгерове иронически: «Семен Афанасьевич Венгер, родственник мой по матери (семья виленская и гимназические воспоминания), ничего не понимал в русской литературе и по службе занимался Пушкиным, но «это» он понимал. У него «это» называлось: о героическом характере русской литературы. Хорош он был с этим своим героическим характером, когда плелся по Загородному из квартиры в картотеку, повиснув на локте стареющей жены, ухмыляясь в дремучую, муравьиную бороду!» (II, 358). Это отношение, конечно, резко отличалось от оценки заслуг С. Венгерова перед российской наукой, данной Оксманом¹⁹. Однако сам дух университетского семинария Мандельштам ценил высоко. Возможно, именно в университете и в семинаре В. Шишмарёва²⁰, который посещал Мандельштам, была заложена «тоска по мировой культуре», а также понимание того, что есть филология. Думается, что и семинар Венгерова, который Мандельштам также посещал, способствовал этому пониманию: «Литература – явление общественное, филология – явление домашнее, кабинетное. Литература – это лекция, улица; филология – университетский семинарий, семья. Да, именно университетский семинарий, где пять человек студентов, знакомых друг с другом, называющих друг друга по имени и отчеству, слушают своего профессора, а в окно лезут ветви знакомых деревьев университетского сада. Филология – это семья, потому что всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках. Самое лениво сказанное слово в семье имеет свой оттенок. И бесконечная, своеобразная, чисто филологическая словесная нюансировка составляет фон семейной жизни» (I, 223). Понимание это стало прививкой против той псевдофилологии, на которую он обрушивается в «Четвёртой прозе», не делая в данном случае различия между нравственной сутью литературы и науки о литературе и деля произведения «на разрешённые и написанные без разрешения» (III, 171): «Чем была матушка филология и чем стала! Была вся кровь, вся нетерпимость, а стала пся-кровь, стала – все-терпимость...» (III, 173). Ю. Г. Оксман воплощал первую половину этой антитезы: он не просто следовал кодексу чести, а был полон нетерпимости и страстного желания назвать «клеветников, убийц и мародёров»²¹ от науки по именам. Когда ему понадобилось рассказать Г. П. Струве о неблагоприятной роли, которую

сыграл Д. Д. Благой в судьбе Г. А. Гуковского, то он привёл выписку из «Четвёртой прозы» Мандельштама, сопровождая её комментарием: «Эта выписка посвящена литературоведу-перевёртню, игравшему большую роль в сталинскую эру, бесовственному карьеристу проф. Д. Д. Благому»²².

Жизненные пути пушкиниста Юлиана Григорьевича Оксмана и поэта Осипа Мандельштама пересекались на важных (и символических!) этапах, но их объединяло ещё и отношение к Пушкину, в котором было нечто, превышающее отношение учёного к своей теме или поэта к любимому поэту²³. Завершая свою речь о Пушкине в феврале 1921 г., В. Ф. Ходасевич произнёс слова, которые стали одной из формул русской культуры и в целом национального бытия в XX столетии: «...мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам перекликаться в надвигающемся мраке»²⁴. Отнесённые к имени Пушкина, эти слова применительно к Оксману и Мандельштаму получают, наряду с универсальным, и какое-то дополнительное значение. Если вспомнить ещё и «пушкинские» штудии Ахматовой, которые вызывали у Оксмана неподдельный интерес²⁵, то конкретные очертания приобретает роль Пушкина в обретении «тайной свободы» учёными и поэтами. Тот факт, что Оксман приносит в дар Ахматовой свою книгу «От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева»²⁶, открывает и саратовскую страничку в этой эстафете.

Оказавшись в 1920-е гг. в Одессе, Оксман среди своих архивоведческих трудов нашёл время, чтобы опубликовать стихи Мандельштама в альманахе «Посев». В 1930-е оба были репрессированы. В Гулаге Оксман и Мандельштам разминулись. Оксман был арестован 6 ноября 1936 г., а этапирован летом 1937-го. Мандельштам же арестовали 3 мая 1938 г., а этап отправился из Москвы в сентябре того же года.

Ю. Г. Оксман знал о судьбе Мандельштама в дальневосточном пересыльном лагере от третьих лиц. По словам П. М. Нерлера, учёный принадлежал к тем, «кто жадно ловил и собирал любые слухи и сведения о нём, кто бы их ни привёз»²⁷. К этой группе свидетелей П. М. Нерлер относит также Варлама Шаламова и Юрия Домбровского. Особенностью Оксмана в данном случае является то, что «он как историк уснащает свои сведения – легендарные, но не фантастические – всеми необходимыми ссылками (на «товарищей» и «врачей»)»²⁸. С Шаламовым Оксман ехал в одном эшелоне²⁹. Этап должен был прибыть на место 4 августа 1937 г.

В. Есипов, изучая биографию Шаламова, нашёл уникальный документ, касающийся Оксмана, – справку о снятии с эшелона: «Акт сдачи больного в пути следования. 10 июля 1937 г. Омск.

Мы, нижеподписавшиеся, нач. эшелона ст. лейтенант Лабин, врач эшелона Радионов, зав.

медпунктом г. Омска (пропуск фамилии) составили настоящий акт в том, что осужденный Оксман Юлиан Григорьевич, значащийся по эшелонному списку под № 48, следующий в адрес: г. Бухта Нагаева Севвостлаг от ст. Москва в виду его болезненного состояния – геморогический энтероколит затянувшего характера – снят с эшелона и принят зав. медпунктом (пропуск).

По данным эшелонного списка личного дела значится, что лишенный свободы Оксман Юлиан Григорьевич осужден Особым совещанием при НКВД на 5 лет, род. в 1895 г., проживает по адресу г. Ленинград, проспект К. Либкнехта д. 62 кв. 46.

По выздоровлению больного я, зав. медпунктом, обязуюсь через Омский домзак дослать осужденного по месту назначения на ст. Бухта Нагаева Севвостлаг»³⁰.

По предположению исследователя, в Омске Оксман выжил чудом, и опоздание в конечный пункт назначения спасло его от «смертоносного ада» золотых приисков. Мандельштам в это время (июль 1937-го) метался между Савёлово, Москвой и Ленинградом в тщетной надежде на спасение. До последнего ареста оставался почти год.

Рассказы Оксмана о смерти Мандельштама известны из двух источников. Во-первых, это устный пересказ В. Шкловского³¹, во-вторых, письмо самого Ю. Оксмана Елене Михайловне Тагер, письмо из одного лагеря в другой, прочитанное в зловонном бараке: «Я говорил с товарищами, бывшими при нём до конца, говорил с врачами, закрывшими ему глаза. Он умер от нервного истощения, на транзитном лагункте под Владивостоком. Рассудок его был помрачён. Ему казалось, что его отравляют, и он боялся брать пайку казённого хлеба. Случалось, что он съедал чужую пайку (чужой хлеб не отравлен), и Вы сами понимаете, как на это реагировали блатари. Оборванный, грязный, длиннородый, М. до последней минуты слагал стихи; и в бараке, и в поле, и у костра он повторял гневные ямбы. Они остались незаписанными – он умер»³².

Пересказ В. Шкловского более жёсткий – он изобилует страшными деталями, например, рассказом о том, как поэта били за кражу хлеба, как выгоняли из барака. Какие-то свидетельства Оксмана совпадают с рассказами очевидцев, какие-то – нет. При всей своей легендарности они ценны тем, что выживший товарищ передаёт *veste de profundis*, *veste* из ада, сохраняя единство поколения. Другими словами, ценность – в осознанном и целенаправленном стремлении историка и филолога по призванию зафиксировать и сохранить историю конкретного поколения в свидетельствах очевидцев, не стремясь при этом создать некий миф.

Годы после возвращения с каторги изобиловали в судьбе Оксмана и радостными, и горестными моментами. Он не был сломлен десятилетием сталинского ада, остался верен себе,

будучи по-прежнему бесстрашным и волевым человеком, хотя и испытывавшим иногда минуты бесконечной усталости. О саратовском отрезке жизни учёного написано много³³. Интересно, что Оксман передавал *veste* о Саратове и своим зарубежным корреспондентам. Вот как он рассказывал об этом в письме к Людвигу Леопольдовичу Домгеру от 23 декабря 1959 г.: «Жили в страшных условиях, годами не зная, что с нами сделают. Каждый раз, возвращаясь с лекций, ждал незваных гостей. Травили меня разные местные мракобесы всеми способами»³⁴. Благодарная память об университетской молодёжи и о Саратовской филологической школе, одним из создателей которой наряду с А. П. Скафтымовым и Е. И. Покусаевым он был, в письмах *туда* уходит на большую глубину. Так, например, Оксман упоминает о «лучших рецензиях» на «Летопись жизни и творчества Белинского», появившихся «в немецкой, венгерской и болгарской филологической печати»³⁵, подразумевая, по мнению комментатора, в частности, и отклик в очерке, созданном с участием саратовских учёных Е. И. Покусаева и ученицы Оксмана Т. И. Усаквиной³⁶. Ещё один саратовский «след» связан с книгой Г. А. Гуковского «Пушкин и русские романтики», изданной впервые Саратовским университетом в 1946 г. Экземпляр этого саратовского издания, подаренный Г. А. Гуковским Б. М. Эйхенбауму, после смерти последнего был передан Оксману, который в свою очередь послал его Г. П. Струве. Теперь этот экземпляр хранится в собрании Библиотеки Стэнфордского университета³⁷.

В контексте данной статьи важным становится вопрос о том, насколько актуальным для Оксмана во время его пребывания в Саратове была мысль о воссоединении двух ветвей национальной культуры и о практических контактах с представителями эмиграции первой волны и так называемыми «перемещёнными лицами» (DP) второй волны. Видимо, убеждение в необходимости восстановления единства было постоянным и глубоким, а вот практические возможности появились только в годы оттепели и с переездом в Москву.

Надо сказать, что Оксман не обольстился оттепелью. Об этом, в частности, свидетельствуют его соображения по поводу возможности публикации в СССР полного собрания произведений Мандельштама. «Я полагаю, – пишет он Г. П. Струве 2 декабря 1962 г., – что и “весна”, которой поверили после опубликования нескольких антисталинских произведений в стихах и прозе, оказалась иллюзорной <...> Не верю я и в то, что в будущем году будет издан в Большой серии “Библиотеки” поэта” О. Э. Мандельштам <...> Итак, второе издание поэта Мандельштама, с прозой, которую у нас и не предполагалось переиздать, придётся печатать вам – с дополнениями и поправками»³⁸.

Трезвый взгляд на суть происходящего, чему способствовало подлинно историческое мышление, не мешал учёному активно искать возможности как передачи материалов зарубежным коллегам, так и знакомства с тем, как изучают русскую историю и литературу там. Более того, скепсис только стимулировал эти поиски. Именно Ю. Г. Оксман был инициатором переписки с Г. П. Струве³⁹. Посредником стал американский историк Мартин Малиа, проходивший длительную стажировку в Москве⁴⁰.

Роль Ю. Г. Оксмана в подготовке американского собрания сочинений Мандельштама от широкого читателя осталась скрытой. По словам П. М. Нерлера, «по понятным причинам не было названо одно имя, которое в нормальных условиях должно было бы стоять впереди других – имя Юлиана Григорьевича Оксмана. Систематически, начиная с 1962 г., снабжая Г. Струве неизвестными текстами О. М. и биографическими сведениями о нём, он, в сущности являлся третьей вершиной того незримого “моста-треугольника”, вынужденно маскировавшегося под “тандем”»⁴¹. Не будет преувеличением сказать, что кроме редакторов Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, по идее, должен был быть указан ещё и Ю. Г. Оксман.

Приведём лишь несколько примеров конкретного участия Ю. Г. Оксмана в подготовке этого издания. В письме от 2 декабря 1962 г. Оксман говорит о наличии у него рукописного сборника, который восходит к рукописному собранию, сделанному Н. Я. Мандельштам и имевшему хождение с 1958 г. Какие-то материалы, возможно, появились у Оксмана раньше, некоторые списки он доставал уже в период переписки с Г. П. Струве, активизировавшей поиски материалов из архивов его сверстников⁴²: «С величайшим трудом вчера раздобыл ещё некоторые списки стихов О. Э. М.»⁴³. «Стихотворения “Золотистого мёда струя” и “Ещё далёко асфodelей...”», – пишет Оксман, – впервые опубликованы мною в сборнике “Одесса – Поволжью. Посев. Литературно-критический и научно-художественный альманах”. Всеукраинское издательство. Одесса, 1921. С. 5–6. Я получил эти стихи от кого-то, приехавшего из Крыма»⁴⁴. На самом деле стихотворение «Золотистого мёда струя из бутылки текла...» впервые увидело свет в газете «Знамя труда» (1918, 8 июня), а «Ещё далёко асфodelей...» – в газете «Советская страна» (1919, 3 февр.) и затем многократно перепечатывалось. Тем не менее, знаменательно само участие Оксмана в одесской публикации, которое комментаторами современных собраний не отмечено.

Стихотворение «Пусти меня, отдай меня, Воронеж» Оксман узнал от Ахматовой, которая привезла его из Воронежа, куда ездила навестить ссыльного Мандельштама⁴⁵. Эпиграмму о Сталине впервые прочёл в самиздатской редакции

в 1961 г., где одна из строчек была изменена: вместо «Там *припомнят* кремлёвского горца» – «Там *помянут* кремлёвского горца»⁴⁶. Текст стихотворения «За гремучую доблесть грядущих веков...», по словам Ю. Г. Оксмана, имел широкое хождение с начала 1930-х гг. Он был знаком со списками, поправки для американского издания делает по своему списку, восходящему к редакции 1935 г., когда поэт, наконец, нашёл вариант последней строки: «И меня только равный убьёт». Из мандельштамовской прозы Оксман достал для Г. П. Струве черновой вариант эссе «Пушкин и Скрябин», текст «Разговора о Данте», тетрадь с «Четвёртой прозой».

Это лишь отдельные примеры той огромной работы по поискам текстов и сверке разных редакций, которая была начата в американских изданиях, ещё очень несовершенных, и продолжается до сих пор. Текстология Мандельштама и судьба его архива, осевшего в основной своей части в Принстоне и разбросанного по частным и государственным собраниям России, – выразительный памятник судьбы поколения и всей нашей культуры в XX в. Ю. Г. Оксман по мере своих возможностей стремился донести до читателей *весь* поэта, и это было, с одной стороны, продолжением его профессиональной деятельности, его призвания, связанного с поисками исторической правды и документальным обоснованием тех или иных научных положений, а, с другой стороны, данью памяти о товарище. Бывший коллега по работе над академическим Пушкиным Л. Л. Домгер назвал Оксмана «искупительной жертвой» пушкинистики⁴⁷. Можно спорить по поводу слова «жертва»: весь психологический облик учёного сопротивляется этому определению. Однако нельзя не заметить в таком подходе коннотаций, перекликающихся с христианским пониманием судьбы поэта и судьбы народа, характерным для Ахматовой и Мандельштама. Удивительным образом это сочеталось с историческим мышлением, которое по-разному воплотилось в историко-филологическом творчестве Оксмана и в поэзии его товарищей по поколению 1890-х.

Примечания

¹ Пугачёв В. Опальный пушкинист в Горьком (Ю. Г. Оксман и «пражская весна») // Волга. 1995. № 5–6. С. 158–159.

² Мандельштам О. Собр. соч. : в 4 т. М., 1993–1997. Т. 2. С. 238. Далее тексты Мандельштама цитируются по этому изданию с указанием в скобках тома римской цифрой и страницы – арабской.

³ Свидетельства частых встреч Оксмана с Ахматовой в 1950–1960-е гг. разбросаны по всему его эпистолярию. Приведём отрывок из его письма Л. Л. Домгеру, который, наряду с Г. П. Струве, был зарубежным корреспондентом Оксмана. «Я часто встречаюсь с А. А. Ахматовой, – пишет Оксман в 1959 г. своему

- бывшему товарищу по работе над академическим Пушкиным, а ныне эмигранту, – которая очень постарела, но держит себя с исключительным достоинством и много работает. Стихи пишет замечательные – их, правда, мало печатают, но изредка она прорывает блокаду» (Устинов А. Материалы по истории русской науки о литературе. Письма Ю. Г. Оксмана к Л. Л. Домгеру // Themes and Variations : In Honor of Lazar Fleishman / Темы и вариации : сб. ст. и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Ed. by K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. Stanford, 1994. (Stanford Slavic Studies. Vol. 8). P. 507. Ахматовой Оксман подарил в 1956 г. свою книгу «От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева» (См.: Толстяков А. Из личной библиотеки Ахматовой // Книга. Исследования и материалы. Сб. 58. М., 1989. С. 190).
- 4 Из архива Гуверовского института : Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве / публ. Л. Флейшмана // Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1. P. 27.
 - 5 Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове. 1947–1958 / отв. ред. Е. П. Никитина. Саратов, 1999. С. 14–15.
 - 6 См.: Сальман М. Осип Манделъштам : годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // Russian Literature. 2010. Vol. LXVIII, № 3–4. P. 471–472.
 - 7 См.: Сальман М. К биографии Ю. Г. Оксмана (По материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // Slavica Revalensia. 2016. Vol. III. С. 141.
 - 8 Там же. С. 157.
 - 9 Из архива Гуверовского института : Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве. P. 22.
 - 10 Ю. Г. Оксман – К. И. Чуковский. Переписка. 1949–1969 / предисл. и коммент. А. Л. Гришунина. М., 2001. С. 112.
 - 11 См.: Тагер Е. О Манделъштаме // Манделъштам и его время / сост., авт. предисл. и послесл. В. Крейд и Е. Нечепорук. М., 1995. С. 227–245.
 - 12 См.: Нерлер П. Осип Манделъштам и его солагерники. М., 2015. С. 58.
 - 13 Там же. С. 382.
 - 14 См. об этом: Сальман М. К биографии Ю. Г. Оксмана. С. 139 ; Чуковская Л., Оксман Ю. «Так как вольность от нас не зависит, то остаётся покой...». Из переписки 1948–1970 // Знамя. 2009. № 6. С. 150. (Письмо Ю. Г. Оксмана – Л. К. Чуковской от 11 апреля 1955 г. из Саратова).
 - 15 Сальман М. К биографии Ю. Г. Оксмана. С. 143.
 - 16 См., например, свидетельство С. П. Каблукова: «Был И. Э. Манделъштам, 29 сентября неудачно сдавший экзамен по латинскому авторам у Маленна. Маленн требует знания Катулла и Тибулла, Манделъштам же изучил лишь Катулла. Тибулла переводить отказался, за что и был прогнан с экзамена» (О. Э. Манделъштам в записях дневника С. П. Каблукова. Запись от 1 октября 1915 г. // Манделъштам О. Камень. Л., 1990. С. 251) ; Сальман М. Осип Манделъштам : годы учения в Санкт-Петербургском университете... P. 466.
 - 17 Из архива Гуверовского института : Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве. P. 22–23.
 - 18 См.: Нерлер П. Осип Манделъштам : рождение и семья // Знамя. 2016. № 12. С. 157.
 - 19 См.: Из переписки Юлиана Оксмана и Виктора Шкловского / публ. А. В. Громова // Звезда. 1990. № 8. С. 134.
 - 20 Помощником руководителя семинара уже в 1911 г. стал соученик Манделъштама по Тенишевскому училищу В. М. Жирмунский, который вёл семинарские занятия (См.: Сальман М. Осип Манделъштам : годы учения в Санкт-Петербургском университете... P. 467).
 - 21 Письма Ю. Г. Оксмана к Р. А. Резник // Волга. 1994. № 1. С. 116.
 - 22 Из архива Гуверовского института : Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве. P. 24–25.
 - 23 Широко известны слова Ахматовой о «сверхчеловеческом целомудрии» в отношении Манделъштама к Пушкину (Ахматова А. Листки из дневника // Ахматова А. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5. М., 2000. С. 37).
 - 24 Ходасевич В. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 85.
 - 25 См.: Устинов А. Указ. соч. P. 521–522.
 - 26 См.: Толстяков А. Из личной библиотеки Ахматовой // Книга. Исследования и материалы. Сб. 58. С. 190.
 - 27 Нерлер П. Осип Манделъштам и его солагерники. С. 212.
 - 28 Там же. С. 382.
 - 29 См.: Есинов В. Два гения в одном эшелоне (В. Т. Шаламов и Ю. Г. Оксман) // Знамя. 2014. № 6. С. 183–197.
 - 30 РГВА, ф. 18444, оп. 2, д. 119, л. 383. Цит. по: Есинов В. Указ. соч. С. 187.
 - 31 См.: Устный Шкловский / публ. Э. Казанджана // Вопр. литературы. 2004. № 4. С. 375.
 - 32 Тагер Е. О Манделъштаме. С. 243.
 - 33 См., например: Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове. 1947–1958 / отв. ред. Е. П. Никитина. Саратов, 1999 ; Ю. Г. Оксман в Саратове (Письма 1947–1957) / вступ. заметка, публ., коммент. К. П. Богаевской // Вопр. литературы. 1993. № 6. С. 231–270.
 - 34 Устинов А. Указ. соч. P. 506.
 - 35 Там же. P. 541.
 - 36 Там же. P. 542. Имеется в виду статья: Pokusaev E., Usakina T., Ziegengeist E. J. G. Oksman – ein hervorragender Repräsentant der sowjetischen Literaturwissenschaft // Zeitschrift für Slawistic. 1961. Bd. VI. H. 3. S. 452–461.
 - 37 См.: Устинов А. Указ. соч. P. 522.
 - 38 Из архива Гуверовского института : Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве. P. 47.
 - 39 См.: Нерлер П. На воздушных путях : по ту сторону самиздата // Toronto Slavic Quarterly. 2012. № 40. Spring. P. 70. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/40/tsq40_nerler.pdf (дата обращения: 05.06.2017).
 - 40 Об опасности общения с иностранцами и посредничества в передаче рукописей на Запад см.: Еще раз о «деле» Оксмана: (Фойер Л. О научно-культурном обмене в Советском Союзе в 1963 году и о том, как КГБ пытался терроризировать американских ученых; Фойер-Миллер Р. Вместо некролога Кэтрин Фойер; Чудакова М. По поводу воспоминаний Л. Фойера и

- Р. Фойер-Миллер) // Тыняновский сборник : Пятые Тыняновские чтения / отв. ред. М. О. Чудакова. Рига ; М., 1994. С. 347–374.
- ⁴¹ *Нерлер П.* На воздушных путях : по ту сторону самиздата. С. 68.
- ⁴² Так, например, он пишет о том, что «кое-что из архива Гумилёва купил у антиквара А. Е. Бурцева» (Из архива Гуверовского института : Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве. Р. 29).
- ⁴³ Там же. Р. 46.
- ⁴⁴ Там же. Р. 24.
- ⁴⁵ Там же. Р. 23.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ *Устинов А.* Указ. соч. Р. 477.

Образец для цитирования:

Минц Б. А. Ю. Г. Оксман и О. Э. Мандельштам: судьба поколения // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 69–75. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-69-75.

Cite this article as:

Mints B. A. Yu. G. Oksman and O. E. Mandelstam: the Fate of the Generation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 69–75 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-69-75.
